Китайские народные сказки

# Лис-оборотень

Рос в старину в окрестностях горы Ишань густой лес, если и селился здесь кто, так все больше жители равнины. Пришел в те края юноша по прозванию Ян У — Ян Пятый. В бровях и глазах — смешинка, лицо открытое, сразу видно — сердце у юноши честное, доброе. Прежде жили они с матерью у Желтой реки, дом у самой воды стоял, да случилось наводнение. Едва спаслись Ян У с матерью, с одним коромыслом в Ишань добрели. Сложили домик из ветвей да палок. Плох ли, хорош ли, а несколько комнат в нем. Так и остались здесь жить.
Сменил Ян У весла на топор, вместо рыболовных сетей стал на спине хворост таскать. Каждый день ходил в лес рубить хворост, да никак не мог весь лес исходить. Осень настала, жара спала. Иглы на соснах зеленые, листья на пробковых дубах уже покраснели, тополя в золотистый наряд оделись. Идет Ян по лесу, хворост рубит, не заметил, как в места забрел, где человека редко встретишь. Смотрит — целый лес из хурмы растет. Время за полдень, а солнце ясное, светлое, словно ранним утром. И не от солнца листья красные, а солнце от листьев красное. Меж красными листьями спелые плоды парами висят, так и сверкают. Ловким был Ян У, мигом на дерево залез, сладких плодов нарвал, домой воротился.
Только в ворота вошел, давай кричать:
— Матушка! Радуйся! Будет у нас на Новый год вино. Увидела мать, что сын веселый пришел, заулыбалась. В тот год Ян У и вправду на хурме вино настоял, густое, ароматное. Снимешь крышку с чана — винный дух далеко разносится. В новогоднюю ночь мать и говорит сыну:
— Овощей у нас мало, сынок, масла совсем нет, а другой еды и подавно. Притащи-ка корчагу с вином, подогреем и выпьем.
Сложил Ян У ветки, огонь развел, поднялись из чайника струи белого ароматного пара, стали во все стороны расползаться. Только налил юноша рюмки, как дверь чуть-чуть приоткрылась, юноша вошел; лицо темно-красное, глаза сверкают, собой пригож да принаряжен. Уставились на него мать с сыном, будто встречали его где-то, а где — не помнят. Сел юноша за стол, смеется, сразу видно, вина выпить хочет. Думают мать с сыном: «Новый год лучше с гостями встречать».
Мать и говорит:
— Коли не брезгуешь, оставайся, вместе встретим Новый год.
Поднес Ян У гостю чарку.
Стал юноша хвалить вино:
— Как пахнет! Что за аромат!
Обрадовался Ян У и говорит:
— Запах хорош, а вкус еще лучше.
Взял юноша обеими руками чарку, поднес к губам, выпил и опять нахваливает:
— Доброе вино, крепкое вино!
Услыхал это Ян У, пуще прежнего обрадовался. Выпил гость рюмку, Ян У ему вторую налил; выпил гость вторую, Ян У третью налил. За вином, весельем да разговорами не заметили, как заря занялась. Спохватился тут юноша и говорит:
— Завтра в полночь, брат, фонарь зажги, я мигом приду.
Сказал он так и быстрее ветра за ворота выскочил.
Запомнили мать с сыном слова юноши, и на следующий день, как только время к полуночи подошло, Ян У говорит матери:
— Матушка! Давай фонарь зажжем!
— Масла нет, ночью все выгорело, зажги-ка сосновую ветку.
Зажег Ян У сосновую ветку, вышел за ворота. Недаром говорится: огня с вершок на сто шагов видно. Светло стало на дороге за воротами. Смотрит Ян У, глазам своим не верит, уж не от огня ли ему померещилось: перед воротами еда всякая, зерно, материи ворох. Тут на свет вчерашний гость

выскочил, рукой машет, Ян У привечает. Ян У и радуется и дивится.
— Братец, — говорит, — не знаю, откуда это столько добра у моих ворот вдруг появилось.
Тут мать из дома выбежала, спрашивает:
— Что за диво такое, сынок?
— Матушка, — отвечает ей юноша-гость, — это я вам все принес. А еще есть у меня подарок для моего младшего брага. — Сказал он так, вытащил из-за пояса золотую пластину величиной с коровий язык, а то и больше, отдал Ян У и говорит:
— Бери, братец. Это золото с Горы злого дракона, она вся золотая, эта гора. Стережет гору злой дракон. К ней и не подступишься.
Поглядел Ян У на золото, сверкает оно при огне, аж глазам больно. Говорит тут юноша-гость:
— Пойду я, дел у меня — не переделать, уж как-нибудь в другой раз повеселимся.
Очень не хотелось Ян У расставаться с этим необыкновенным добрым юношей, да что поделаешь! И говорит Ян У:
— Раз у тебя дела — иди, только как нам с тобою опять свидеться?
Отвечает юноша:
— Ничего нет проще: пойдешь в лес, пройдешь сто шагов, обернешься к западу и крикнешь три раза: «Гэгэ — старший брат!» Я мигом явлюсь.
Проводили мать с сыном юношу, а вскорости и пятнадцатый день Нового года наступил. Наварила мать рису отборного, разных овощей наготовила. Сделал Ян У два красных бумажных фонарика, а сам думает: «Праздник сегодня, а в праздник делами не занимаются. Пойду позову его. Вдвоем веселее праздник встречать».
Взял Ян У коромысло, повесил на него фонарики, в лес пошел. Впереди деревья, от деревьев тень на землю ложится, иод ногами снег скрипит. Идет Ян У, шаги считает, ни много ни мало — ровно сто шагов прошел. Остановился, повернулся к западу, громко крикнул три раза. Только утихло эхо, а юноша уже перед Ян У стоит. Увидели они друг друга да так обрадовались, что и рассказать трудно.
Вместе домой воротились, мать к тому времени из соевой муки фонариков налепила, так по обычаю положено, зажгла их, и в тот же миг по ларю с зерном, по глиняным чанам, по каменным плитам, по воротам — везде огоньки забегали, засверкали. Поели они втроем, вина напились. Тут мать и говорит:
— Слыхала я, будто в Янчжоу каждый год пятнадцатого числа первого месяца люди с разноцветными фонариками гулять выходят. Может, правду говорят, может врут.
Отвечает матери Ян У:
— Ни капельки не врут, слыхал я, будто лучше, чем в Янчжоу, разноцветных фонарей и не бывает.
Тут в разговор гость встрял:
— Значит, говоришь, в Янчжоу фонари красивые. Что ж, поглядеть надобно. Дел у нас вроде бы нет никаких, сегодня же вечером и отправимся.
Говорит мать:
— Будь до того города всего несколько сот ли, за один вечер туда не добраться, а до него уж и не знаю, сколько тысяч ли.
Засмеялся гость и отвечает:
— Мы мигом до Янчжоу долетим. Садись-ка, брат, ко мне на спину. Побыстрей отправимся, пораньше воротимся, еще выспаться успеем.
Посадил гость Ян У на спину, отошел на несколько шагов от дома, из виду исчез. Пока мать за ворота вышла, оба юноши уже далеко были, за несколько сот ли. На земле белый снег лежит, в небе луна светит, на снежно-белой земле огоньки фонарей красной ленточкой вьются, в темном небе

звезды сверкают-переливаются.
Мигом очутились юноши в Янчжоу. Увидели реку — гладкое чистое зеркало, дома старинные увидели, высокие да красивые. На больших улицах, на мостах и вправду узорчатые фонари горят разноцветные. От фонарей да от луны светлее, чем белым днем. Луна и фонари в воде отражаются, красные лучи с серебряными спорят. Повсюду фонари раскачиваются, сверкают, повсюду золото переливается, блестит. А людей на фонари глазеет столько, что, как говорится, можно гору сложить да море запрудить. Есть тут на что поглядеть, полюбоваться. Один фонарь — грозный лев, другой — нежный лотос, третий — красная слива; золотые цикады, золотые рыбки, бабочки, гранаты — на любой вкус найдется. Поглядели юноши на восток, на запад оборотились, не заметили, как до моста из белого нефрита дошли. А там народ толпится, друг дружку отталкивают, видать, диковинку какую-то разглядывают. Протиснулись юноши поближе, смотрят: два фонаря висят — две утки-неразлучницы, на фонарях цветы вышиты — просто загляденье, рисунки — глаз не отведешь. Все радуется, все оживает под красным светом их лучей.
Глядит Ян У на фонари, а сам думает: «Ловкими руками сделаны».
Про то же и народ вокруг толкует. Послушал Ян У, что люди говорят, узнал, что фонари эти барышня Цуй-цуй сделала, дочка господина Ли, давнего жителя Янчжоу. «Раз уж руки у девушки такие ловкие, — думает Ян У, — значит, ума да смекалки ей не занимать». Долго любовался Ян У фонарями, пока друг не взял его за руку и они оба выбрались из толпы.
Юноша впереди идет, Ян У следом за ним. Подошли они к месту, где людей мало было, тут юноша и говорит тихонько:
— Сведу я тебя барышню поглядеть, ту, что уточек на фонарях вышивала.
Ян У даже остановился, головой замотал:
— Разве можно? Нас в дом не пустят, да и перед барышней стыдно, мы ведь ей чужие, незнакомые!
Отвечает юноша:
— Слушайся меня и ничего не бойся.
Взял он Ян У за руку, к большим воротам повел, после дал ему ветку с двумя зелеными листочками и говорит:
— Это ветка-невидимка, держи ее — никто тебя не увидит.
Вошли они в большие ворота, потом в маленькие, никто их не приметил — ни привратник, ни девица, которая чай несла. Не пошли они в парадные комнаты, не пошли в большую залу, а отыскали на большом дворе дом в укромном месте, маленький да ладный. Поднялись по лестнице, внутрь вошли, смотрят — большие да малые зеркала понавешаны, большие да малые ящички расставлены. На кровати барышня сидит. Цуй-цуй, конечно. Кому ж еще здесь быть? Увидал ее Ян У, чуть не вскрикнул, до того она собою хороша.
А Цуй-цуй и впрямь пригожа. Сидит девушка, плачет, в больших глазах слезинки блестят, по щекам катятся, маленький рот плотно сжат, а все равно она прекрасной кажется. Повернула девушка медленно голову, поглядела на оконную бумагу, в которой отсвечивало красное пламя свечи, приоткрыла легонько рот и говорит:
— Ах, отец, твердишь ты без конца: подходящая пара, приличный дом, а ничего не ведаешь про дочерины думы, не знаешь, за кого дочь отдать хочешь.
Тут юноша и говорит:
— Не печалься, сестрица, не горюй, я тебя сватать пришел.
Всю комнату Цуй-цуй обыскала, что за диво, думает, голос слыхать, а человека не видать! Не испугалась девушка и спокойно так спрашивает:
— Кто ты: злой дух или бессмертный святой?
Отвечает юноша:

— Не злого духа, не бессмертного святого — пригожего юношу я к тебе привел.
Сказал он так, взял из рук Ян У ветку-невидимку, смотрит барышня: и впрямь молодец перед ней. «Хорошо бы, думает, замуж за него пойти, сердце успокоить. Приглянулся он мне. Да разве согласятся отец с матерью и старший брат с невесткой отдать меня за этого юношу?» И радуется девушка, и печалится, и боязно ей, и грустно. Спрашивает она Яна:
— Ты как сюда вошел? Где твой дом и как тебя звать?
Рассказал ей Ян У все, как есть, ничего не утаил, девушка еще о чем-то спросить хотела, да услыхала шаги на лестнице. Испугался Ян У, к юноше обернулся, а тот невесть куда исчез. Хорошо, на столике ветка-невидимка осталась, только схватил ее Ян У, а служанка уже дверь открыла, в комнату вошла. Смотрит — барышня одна, никого больше нет.
Так и остался в ту ночь Ян У у Цуй-цуй.
На другой день принесла служанка Цуй-цуй завтрак. Ян У ветку в руке держит, сел за стол, вместе с барышней поел да попил. Только не наелись они — завтрак-то для одной барышни приготовлен был.
Говорит Цуй-цуй служанке:
— По вкусу мне нынче еда пришлась, в следующий раз принеси побольше.
Кивнула служанка головой, в обед тронную порцию принесла. Цуй-цуй и Ян У все прикончили без остатка — утром ведь не наелись. Дивится служанка: «Барышня всегда самую малость ест, что ж это с ней нынче приключилось?» В ужин тоже все было съедено.
Так продолжалось несколько дней кряду. Теперь уже не только служанка — и старая госпожа дивится. Стала она думать: «Отчего это не успеет дочка поесть, как сразу двери запирает? За три дня ни разу вниз не спустилась». Поднялась старая госпожа тихонько по лестнице, стала у двери, вдруг слышит — мужчина в комнате разговаривает. Как закричит она, велела тотчас дверь отворить. Вошла, смотрит — никого нет, только дочь. Рассердилась госпожа, дочери допрос учинила. А Цуй-цуй отвечает:
— Никого здесь нет, матушка, померещилось тебе.
Не поверила мать, искать стала, все обыскала, никого не нашла. Опять не поверила. Вниз спустилась, давай служанку со всей строгостью допрашивать. Та что знала, про то и рассказала. Вечером поведала старая госпожа обо всем мужу. Услыхал это господин Ли, аж подскочил, как говорится, огнем высотой в три чжана пылает, кричит, орет, живьем, мол, Цуй-цуй в землю закопаю. А мать не соглашается, жалко ей дочку. Заспорили муж с женой, кричат, шумят, дальше — больше. Услыхал старший сын, что мать с отцом бранятся, стал у дверей, все и узнал, что ему надобно было, воротился, жене рассказал и говорит, да зло так:
— Убить ее надо, и все!
Скривила невестка губы, тычет в мужа пальцем и отвечает:
— Что это твои родители задумали? Не зря говорят: сор за ворота не выносят. Живьем человека закапывать — только небо удивлять да землю сотрясать. Рот разевать да языком трепать — и подавно нечего. Проберемся-ка лучше к ней в дом, подожжем его, а сами скажем, что ее небесный огонь спалил. Похороним — и все шито-крыто.
Послушался старший брат жены, стал темной ночи дожидаться, чтоб злодейство сотворить. Почуяли среди ночи Ян У и Цуй-цуй едкий дым, проснулись, дверь приоткрыли, смотрят — лестница вся сгорела, огонь, того и гляди, в комнату перебросится. Вспомнил тут Ян У про друга своего юношу и как закричит:
— Братец, братец, спаси нас скорее!
Только он крикнул, огромная птица откуда ни возьмись появилась, длиной в несколько чжанов будет, крылья сложила, в дверь вошла, не стали они думать да рассуждать, сели к ней на спину,

взмахнула птица крыльями, поднялась в небо.
Тут из окон дым с огнем повалил.
Принесла их птица прямо к горе Ишань, опустилась у ворот дома Ян У. Только слезли они на землю, птица крыльями хлоп — юношей оборотилась.
Подивился Ян У и говорит:
— Братец, это ты?
Отвечает юноша:
— Много дней провел я ради тебя в Янчжоу, а мне домой пора, поглядеть, что там да как.
Сказал он так и в густом лесу исчез.
А матушка дома ждет не дождется сына, увидела, что он воротился да еще жену с собой привел — заплакала от радости. Вот и второе число второго месяца наступило. В этот день все насекомые от зимней спячки пробуждаются. Скоро весенний гром прогрохочет, дождь польет, снег стает, лед растопится. Только дождь прошел, рассеялись тучи, отправился Ян У в лес за дровами. Тополя дождем омыты, зеленые листочки на ветках проглядывают, а у абрикосов ветки красно-розовые. Залез Ян У на дуб сухие ветки рубить, ни одной не срубил, налетел ветер, сорвал сухие листья, те, что всю зиму на дереве висели, наземь их бросил. Ухватился Ян У покрепче за толстые ветки, чтоб ураган его не унес. Только ураган пролетел, с северо-востока черные тучи налетели, черный дракон из них на землю упал, хвостом махнул. Загремел гром, засверкала молния. Увидел тут юноша, как дракон под большую сосну метнулся. Заглянул юноша под сосну, лучше бы не глядел, аж потом его прошибло — увидел он под сосной того самого юношу. Скинул юноша одежду, раз взмахнул, другой, как взмахнет — так молния гаснет. Засверкал черный дракон, на юношу бросился. То погаснет молния, то засверкает, то погаснет, то засверкает — и так десять раз самое малое, все ближе к юноше подбирается. Подобралась наконец, так и прыгает, так и скачет. Увидал это Ян У, да как швырнет изо всех сил топор в черного дракона, так пополам его и рассек. Забился тут черный дракон, заметался, а юноша тем временем взмахнул одеждой, прижал голову дракона к земле, хвост вверх поднял, как кинет его об землю — и убил.
Соскочил Ян У с дерева, подбежал к юноше, а тот и говорит:
— Это был злой дракон с горы Эрлуншань, помог ты мне, братец, жизнь мне спас. Понял я, что еще не научился как следует драться. Прощай, братец, пойду бродить средь четырех морей, науки постигать.
Очень уж не хотелось Ян У с юношей расставаться, и говорит он ему напоследок:
— Давно я тебя знаю, старший брат, а так и не понял, кто ты: человек или бессмертный святой? Скажи мне на прощанье!
Всего четыре фразы произнес юноша в ответ:
Добрым вырос Ян У,
Дружбу свел с бессмертным лисом,
Ездил в Янчжоу глядеть на фонари,
За тысячу ли нашел себе жену.